

18+

Александр Феликс

ЗАПИСКИ КОРНЕЯ ПЧЕЛКИНА

...районного газетчика,
гражданина и наивного человека

Александр Феликс

**Записки Корнея Пчелкина.
...районного газетчика,
гражданина и наивного человека**

«Издательские решения»

Феликс А.

Записки Корнея Пчелкина. ...районного газетчика, гражданина
и наивного человека / А. Феликс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650318-2

Никогда не думал, что моя собственная папка со старыми записями меня так заинтересует. Да какая там папка!? Так, обложка старенькой тетрадки. Вот именно в такую обложку и были вложены чернильные записи. Нет, не пером, а уже продвинутые, с пипеточной подкачкой чернил. Даже удивительно, как это они могли сохраниться?! Коротенькие миниатюры, зарисовки, наброски будущих рассказов. Мы писали их на тех лекциях, когда профессора любили, что все их студенты конспектируют. Так и родились мои миниатюры.

ISBN 978-5-00-650318-2

© Феликс А.

© Издательские решения

Содержание

АЛЕКСАНДР ФЕЛИКС	6
Записки Корнея Пчелкина	6
I. Записки Корнея Пчелкина	7
Вместо предисловия	7
1.НАЧАЛО ПУТИ	9
2.ПЕРВАЯ ПРАКТИКА И ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ	11
3.ГЛАВНЫЕ ЛЮДИ	13
4.ВНУТРИРЕДАКЦИОННАЯ ЖИЗНЬ	15
5.ПОСТОЯННО ВПЕРЕДИ	17
Безработный Корней	18
Кардиологический роман	21
II	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Записки Корнея Пчелкина
...районного газетчика,
гражданина и наивного человека
Александр Феликс**

© Александр Феликс, 2024

ISBN 978-5-0065-0318-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР ФЕЛИКС

Записки Корнея Пчелкина

... районного газетчика, гражданина и наивного человека
на реальных событиях, имена и фамилии вымышлены, совпадения случайны

I. Записки Корнея Пчелкина

Вместо предисловия

Большую часть жизни Корней Пчелкин предпочитал считать себя человеком не глупым. Чего, правда, нельзя было сказать о его поступках. Однако, как ни крути, но все же, по прошествии ни одного десятка лет, Корнею не было стыдно за бурно прожитые годы. Перефразируя крылатую фразу одного юмориста, Пчелкин любил повторять: ему даже приятно что-то вспомнить из прошлого, но не обо всем удобно рассказать воспитанным людям. Не говоря уж о том, чтобы вот так взять и запросто о чем-то да и написать. Или того хуже, взять да издать.

Именно издать! Да-да, взять и издать! Так вот, прямо и предлагал один его старинный друг, коллега по журналистскому цеху, можно сказать, маститый писатель. Издать сборник рассказов, баек, которые Пчелкин с удовольствием травил на каждом междусобойчике.

После стольких лет работы в редакции никто и представить не мог, что именно писать и издавать окажется для Корнея Пчелкина архисложной задачей. Причем, убедить всерьез взяться за перо ему, в первую очередь, нужно было самого себя. И вот в один не самый прекрасный день Корней вдруг сказал себе, а почему бы и нет?!... Только, это будет непременно роман! И глыба всей жизни сдвинулась.

За свою жизнь Корнею Пчелкину посчастливилось прочитать не одну увлекательную и по-настоящему интересную книжку. Но только Довлатов смог заставить Пчелкина взяться за перо. Это были те времена, когда Довлатовым или скорее Довлатовой восхищались все поголовно. Настойчивый коллега ненавязчиво подсунул Корнею рассказы того самого Довлатова. И о чудо, после нескольких страниц довлатовских рассказов Пчелкин вдруг отчетливо представил, что так он и сам сможет.

Но, так чтобы всерьез засесть за настоящий роман, Корней и тогда все же еще не мог. Видимо, по этой причине Корней и решил попробовать написать что-то несерьезное, даже шуточное. К своему удивлению, Пчелкин быстро убедил себя в том, что лавры Ильфа и Петрова, или Гашека ему точно не грозят и дело действительно пошло. Страница за страницей на бумагу ложились воспоминания о работе Корнея в районных редакциях местных газет.

Корнею удавалось даже пофилософствовать. По мнению Пчелкина, у хорошей шутки должна быть нелёгкая судьба. По настоящему хорошей шутке, считал Корней, очень трудно родиться вот так сразу. А уж тем более, потом еще и пробиваться в этой жизни. Во всяком случае, до тех пор, пока она не заслужит право на ту самую жизнь. Так сказать, из уст в уста, в умах и сердцах и т. д. и т. п.

Большей частью, в шутку, как и в правду, верят не все и не сразу, утверждал Корней. Хотя, он и допускал, что бывают и исключения. И тогда шутка врывается в нашу жизнь сразу и навсегда, живет долго и счастливо. Так сказать, на радость автору и людям.

По этому поводу Корней Пчелкин развил даже целую теорию. А его околонучный вывод «О природе правды и шутки» мог вполне вылиться в премудрый трактат. Правда, для этого Корнею нужно было родиться на пару веков пораньше. В основе этой нешуточной идеи Пчелкина лежало его собственное глубокое жизненное убеждение. Мол, как и правду, некоторые шутки не то что бы не любят, но определенно недолюбливают. А порой, даже и опасаются.

Если быть совсем точным, то шутки над собой, по мнению Пчелкина, не любит никто. Ни-и о-дин! Ну в смысле, ни один психически нормальный, в здравом уме и твердой памяти человек. Кто станет до слез ухохатываться над самим собой? Правильно, никто.

Точно так же, как не любят и правдоискателей, вроде самого Пчелкина. Этаких неугомонных правдолюбцев. Впрочем, как и неугомонных шутников над всем и вся. Нет, с такими

шутниками, конечно, весело, допускал Пчелкин. Их-то, в отличие от правдолюбцев, хоть уважают больше. Но где-то в глубине души их тоже недолюбливают, а начальство даже и побаивается.

Взять скажем, к примеру, прогульщика-правдолюбца. С ним, любому начальству, всё предельно ясно. Чего не скажешь о шутнике?! Да будь он хоть трижды прогульщиком, никакой ясности с ним нет. Даже у самого умного начальства никакой ясности с шутниками нет. Начальству даже объяснения с такого нарушителя брать бесполезно. Потому как, может оказаться так, что по смыслу не то что ясности, а вообще никакого смысла нет в его объяснениях. Ну ведь, правда же?! Пойди, разбери этого шутника. Бывает, что и совсем даже не понятно, отшучивается он так, или вежливо посылает начальство.

Чувствовать-же себя дураком, не хочет никто. Ни один начальник. По сему, считал Пчелкин, надо начать с рассказов, хотя и шуточных, но непременно про жизнь. Мучиться по поводу того, как ему писать – взаправду или в шутку, Корней уже и не мог. В итоге, что получилось, то получилось. Возможно даже это будет новый жанр, правдивая шутка.

Хотя, если припомнить немые комедии, то по большей части всегда, когда стихал смех, окружающие, почему-то вдруг начинали колотить шутника. Того самого шутника, который сотворил над ними эту шутку.

ЗАПИСКИ КОРНЕЯ ПЧЕЛКИНА, РАЙОННОГО ГАЗЕТЧИКА, НАИВНОГО ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА, КОТОРЫЙ В ДОБАВОК КО ВСЕМУ ЕЩЁ И ХОТЕЛ СТАТЬ ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ

1.НАЧАЛО ПУТИ

Первый раз в редакцию газеты «За доблестный труд» Корней Пчелкин попал еще в далеком школьном детстве и совершенно случайно. Попросту ошибся дверью, а точнее этажом. Корней знал, что мать его работает где-то в бухгалтерии отдела культуры. Он бывал у неё еще в начале семидесятых, совсем маленьким, потому и ошибся. Редакция поразила Корнея своей солидностью, некой всеобщей занятостью что ли. Мужчины в белых рубашках, многие в галстуках и почти все курили, даже женщины. В семье у Пчелкиных не курил никто, а галстуки и рубашки у отца были только форменные, зеленые. Еще, на массивном столе с тумбами, Корнею бросилась в глаза большая черная печатная машинка с желто-золотыми буквами. В те времена печатные машинки были наперечет, не то что компьютеры сейчас.

Если бы Корнею кто-то тогда сказал, что тридцать лет его трудовой биографии будет отдано редакции, он бы «плюнул ему в лоб», как говаривал небезызвестный литсотрудник районной редакции Вася Полтавец. К слову сказать, не только его, но и некоторых других работников редакции Пчелкин знал еще со школы. В классе литературы, где учился Корней был стенд о литобъединении «Родник». Юрий Сапожков, тогда уже пресс-атташе нашего посольства в Индии, заходил к ним на уроки литературы по приглашению учителя и классного руководителя Ивана Михайловича. Поэтесса Виолетта Ахмед-Бородкина тоже работала в редакции и была у них в школе на классных часах. Все читали свои стихи, рассказывали о работе редакции, о литобъединении. Песни Виктора Гина «Любо-овь, Ком-сомо-ол и Весна-а...» распевала вся страна. И была у гусевских мальчишек и девчонок некоторая гордость за своих Родниковцев, за свой город.

«... не словословьте о жене поэта, он вас не может вызвать на дуэль». Не то, чтобы Пчелкин тогда интересовался современными авторами и поэзией, но эти строки из стихотворения Ю. Сапожкова засели у него в памяти надолго. Для будущего курсанта-пограничника Пчелкин оказался достаточно впечатлительным. Возможно даже чересчур романтическим. Однажды, его неожиданный творческий порыв воплотился в некую мелодекламацию собственного сочинения в честь юбилея Победы. И посвящалась она павшим воинам. Сегодня тот речитатив можно сравнить разве что с рэпом. Поскольку писать Корней не любил уже тогда, то свой шедевр он записал на бобинном магнитофоне. По понятным причинам, до потомков сей труд не дошел. В дальнейшем, Пчелкин даже и не пытался писать стихи и выше складного рифмования слов не поднимался. Это и помогло ему спустя какое-то время, в его бытность корреспондентом редакции. Пчелкин лихо выиграл тогда творческий спор на самую быструю подпись к снимку в стихах. И у кого?! У своих кумиров В. Полтавца и В. Ахмед-Бородкиной. Впрочем, впоследствии, рифмование на скорость в редакции так и не прижилось. Видимо, за ненадобностью.

Какого же было разочарование Корнея Пчелкина, когда в военкомате ему отказали в направление в пограничное училище. До того злополучного дня возраст Корнея никого особо и не беспокоил. И вот вдруг оказалось, что не только на момент окончания школы, но и даже на начало учебного года в училище... А самое главное, на момент принятия присяги первокурсниками, Корнею было бы всего лишь шестнадцать. Занавес над самым входом в училище внезапно опустился, как опускался шлагбаум на пограничном переходе в вечернюю перемену. Прямо перед носом и казалось навсегда. Посему, без особого желания и особых усилий Пчелкин поступил на ин. яз в гражданский вуз. С выбором вуза помогла мать. Она доходчиво объяснила Корнею, что на границе не только с собакой нужно носиться вдоль КСП или стоять как истукан у шлагбаума, но и языки знать.

Спасибо школьным учителям, знания по языку, истории и литературе дали крепкие. Корней сдал все экзамены на пятерки. Исключением была тройка за письменный экзамен. Сочинение о Базарове вышло всего в четыре странички и это с учетом огромного углового штампа

приемной комиссии на каждом листе. Стремление к краткости, в последствии, помогло Пчелкину всерьез закрепиться в редакции.

Тем временем учеба в университете шла своим ходом. Еще со школы Корней интересовался языками, читал гэдэровские музыкальные журналы, переводил друзьям статьи о любимых рок-группах. Возможно он так бы и стал каким-нибудь техническим переводчиком в бюро, но чехарда смертей генсеков, перестроечные волнения в стране заставили открыть на филологическом факультете университета, где учился Пчелкин, специализацию «Журналистика». Кому-то там наверху, еще в Андроповские времена, стало ясно, что партийной печати требуется молодая кровь. А уж районной партийной печати тем более. В то время, у большинства редакторов районных газет области партийного стажа было больше, чем лет отроду всем новоявленным слушателям журналистских курсов.

Первые выпуски журфака местного университета, как отряд первых космонавтов. Всех выпускников можно было пересчитать на пальцах одной руки. Спецкоры центральных газет, «Водного транспорта» – Сколуб, корреспондент ТАСС – Баблюк, будущий директор ГТРК Янтарь – Аненков, зав отделом новостей областной партийной газеты Шебалкин и многие другие были учителями новоявленных журналистов. Все они готовили настоящих практиков для районных газет области. Они же занимались межредакционной кустовой учебой в редакциях тех же районных газет. В то время, практика выездных семинаров, была обычным делом. Своеобразная внутренняя профессиональная учеба, бесплатная и весьма эффективная. Спустя год интенсивных и максимально приземленных к будням районных газет занятий, будущие журналисты уже разъехались на первую практику.

2. ПЕРВАЯ ПРАКТИКА И ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Редактором газеты в Гусеве тогда был Леонид Михайлович Анисимов, заместителем Виктор Николаевич Попов. Именно они первыми встретили студента-практиканта ин. яз. в стенах редакции. К слову сказать, без особого энтузиазма. Посмотрев бумаги, редактор многозначительно изрек с хитрым прищуром:

– С тобой все ясно,.. мечтаешь о международном Агентстве Печати «Новости», ТАСС, будешь писать о международном положении, а у нас здесь районные будни. У меня вот отчет с партхозактива. У зама, – Анисимов кивнул в сторону Попова. – материал с проблемного совместного заседания парткома и профкома в «Восходе».

Пчелкин пожал плечами и промолчал, т.к. тогда ему было все-равно: профком, партком, АПН. И это, несмотря на то, что к повседневной рутине будущих районщиков готовили целый год. Причем вершины дрессировки достиг спецкор «Водного транспорта» Сколуб. Дабы набить будущим районщикам руку, в задании для виртуальных статей он называл только лишь ключевые слова, количество необходимых строк и место на полосе. Дело в том, что в те времена в партийных районках тема строго определялась полосой в газете. Первая полоса – официоз, вторая – промышленность, третья – культура, четвертая – кроссворд, развлекательная информация, редкие объявления. Причем, за объявления платили на почте и для публикации приносили вместе с текстом квиток об оплате. Партийная печать и деньги были тогда несовместимы.

После короткого собеседования Пчелкина направили в отдел писем. Какого же было его удивление, когда в кабинете Корней увидел ту самую поэтессу, что приходила к ним на классный час. Виолетта Федоровна перекладывала письма, записывала в журнал адреса с конвертов, регистрировала, прокалывала их дыроколом и сшивала в папку. Мысленно Корней уже был готов, что именно это и станет его основным занятием на всю практику. Тем более, что известную поэтессу Ахмед-Бородкину искренне разочаровал ответ Пчелкина о том, что он вообще не пишет ни стихов, ни литературных рассказов. Тогда Корней интересовало только макетирование, а не вся эта писанина. Сегодня это билд-редакторы, дизайнеры макетов газетных полос. Появилась уже целая отрасль на грани журналистики и компьютерного творчества. А хорошие мастера компьютерного газетного дизайна, это настоящие знатоки всевозможных издательских, графических и прочих программ. Они превратились в отдельную касту, вызывая у Пчелкина даже сегодня искреннюю зависть по несбывшимся мечтам. Чего нельзя сказать о некоторых представителях пишущей братии.

– Напиши тогда что-нибудь, что тебя интересует, – пыталась выйти из неловкой ситуации с незадачливым практикантом Виолетта Федоровна. Натасканный на ключевые слова и строчки на полосе Пчелкин, все же робко поинтересовался, о чем же лучше написать?!

– Ты же еще учишься, студент,.. вот пойди и напиши об этом, – невозмутимо и спокойно продолжила поэтесса. – Сходи наверх в отдел образования, они там все знают и обязательно тебе чем-нибудь помогут.

Необычайным преимуществом для начинающего практиканта Гусевской редакции было то обстоятельство, что располагалась редакция в Красном доме. Здесь тебе и исполком, и агропром, и жилкомхоз, все отделы: по культуре, спорту и т. д. Через дорогу горком комсомола с бездной информации о молодежных коллективах и прочее-прочее...

«400 матросов «Бригантины» – так назывался первый материал Корнея Пчелкина в газете «За доблестный труд». С легкой руки В. Ахмед-Бородкиной он получился весьма живенький. Летний трудовой лагерь школьников «Бригантина» располагался в живописном месте поселка Михайлово у самого леса, на берегу чудесного озера. Ничего этого Пчелкин не знал, но материал написал быстро и к радости ответственного секретаря редакции А. Ядрова, очень кратко, с неплохим заголовком. Так Корней Пчелкин и стал на всю первую

и последующие практики вечным спецкором по особым поручениям ответственного секретаря. Писал быстро, коротко и всегда был на подхвате в секретариате. В дни верстки газеты это было весьма важно. Остальные работники редакции часто были в разъездах, в трудовых коллективах, занимались обработкой материалов. Тут уж не до дежурств. Пчелкин был убежден, Гусевской редакции везло на ответственных секретарей. Требовательные, скрупулезные А. Ядров, А. Наконечный были настоящими ответсеками до мозга костей. По большому счету, в день верстки ответственный секретарь газеты становился самым главным человеком. Макеты газетных полос обсуждались на планерках, отдельно рисовались на специальных, разлинованных на колонки с нумерацией строк листах и утверждались редактором. Оперативно внести изменения в уже утвержденный оригинал-макет, подвинуть, а то и снять материал и заменить его более важным, срочным. Возможно и дописать, поставить заставку, клише. Всё это мог решить ответственный секретарь. Тогда ведь не было таких компьютерных возможностей. Всем этим занимался ответственный секретарь и еще метранпаж, вручную ставил клише, перебирал шрифт заголовков.

Набор, гранки отливались тут же в типографии на цокольном этаже в этом же здании горисполкома. Сейчас там большой конференц-зал администрации. Здесь были печатные станки, линотипы, полки с набором шрифтов и клише. Редакционная типография была очень компактной. В типографию Пчелкин охотно водил на экскурсии школьников. Точнее сказать, близлежащие школы зачем-то отправляли учеников на экскурсию в редакцию газеты «За доблестный труд». Видимо, не видя большой разницы между редакцией и типографией. Редактор перепоручал школяров заму. Замредактора В. Попов быстро переадресовывал их Корнею с настойчивым предложением побыстрее пойти вниз в цех и показать работу типографии. Здесь учеников впечатляли станки, линотипы – эти громадные печатные машинки для отлива газетных строк. Тут же загружается металл для плавки, тут же производят горячий набор.

Линотиписты В. Шириков и С. Козаков едва сдерживали улыбки и смех. Они поражались, как этот зеленый практикант со знающим видом очень поэтично описывал их монотонные, заученные до автоматизма действия. Пчелкина самого поражала работа этих «могучих сталеваров газетной строки».

Но настоящим дирижером горячих строк и профессором литых заглавных букв был метранпаж Малюченко. На нем даже рабочий халат сидел, как шитый на заказ. Он был педантом во всем и эта работа подходила ему, как никому другому. Он виртуозно разбивал текст на колонки. Казалось, почти не глядя, не отрываясь от стола для верстки Малюченко мог достать любую нужную букву для крупных заголовков из многочисленных ящичков, полок и прочих загашников расположенных вокруг верстального, монтажного стола.

3. ГЛАВНЫЕ ЛЮДИ

Вторым местом постоянной работы Пчелкина в период практики была корректорская. Вечному подчитчику и дежурному по номеру необычайно радовалась корректор Варвара Ивановна. После первого оттиска полосы корректор читала вслух все материалы, а подчитчик следил по оригиналам нет ли пропусков. Другого корректора в редакции и представить было сложно. Такая милая бабулька постоянно в очках и платочке, как из окошка со ставнями в знаменитых советских сказках. У неё в корректорской всегда был древний железный чайник и заварка. В напряженном графике читки полос она всегда выкраивала пару минут на чай. Корнею же было жутко интересно расспрашивать её про войну. К рассказам своего деда, дошедшего до Берлина, он уже давно привык. С воинскими эшелонами старший лейтенант, политрук-орденоносец Пчелкин вывозил из Германии немецкие печатные станки, прочее оборудование для послевоенных типографий в разбомбленные войной наши города. А вот рассказы о женщинах на войне Корнею до этого слышать не приходилось. Тем более, работать бок о бок с таким героическим человеком, как Варвара Ивановна.

Другим самым главным человеком в редакции был фотокорреспондент. Ему полагалось целая фотолаборатория. Фотоувеличитель, глянецватель, резак, ванночки, бачок для проявки пленки, фонари, красный, фиолетовый, желтый фильтры. Чего тут только не было. Все такое массивное, крепкое. Один из последних героических фотокорреспондентов редакции Владимир Денисович Ясиновой был весьма колоритной личностью. Его знали во всех трудовых коллективах города и района. По молодости, Корнею очень нравилось с ним ездить по району. Куда бы они ни приехал Денисович, его везде хорошо знали. Кепка, выющаяся шевелюра, куртка или плащ, но неизменно сумка через плечо на шее фотоаппарат с внушительной вспышкой. Казалось, объективом он гипнотизировал, завораживал людей и получить нужную информацию молодому корреспонденту Корнею Пчелкину было уже не так уж и сложно.

Поездки по району, этикие творческие миникомандировки были особой стороной редакционной жизни. По пути к месту событий молодого и еще неопытного Корнея всегда просвещали водители. Особенно Пчелкину запомнились водители братья Семеновы – Александр и Николай. В белой Ниве, сменившей роскошную черную редакционную Волгу, они смотрелись довольно курьезно. Поначалу Корней вообще не понимал, как эти двухметровые ребята там помещались. Ему нравились их ненавязчивые поучения. Сельские ребята, они выросли в этом районе, хорошо знали людей, ситуацию во многих хозяйствах.

На заре творческой карьеры Пчелкину это очень помогало в работе. Тем более, что в период массовой уборочной, активных посевных работ -газета выходила каждый день. Независимо от отделов и должностей, за каждым творческим работником редакции закреплялись несколько хозяйств для оперативного освещения событий. Из привычной комсомольской жизни, за освещение которой Пчелкину приходилось отвечать он, как и все, на время становился селькором.

До девяностых годов не менее значимым человеком для редакции был цензор. Созданный еще в далекие двадцатые годы аппарат цензуры всех печатных изданий имел, на взгляд Пчелкина, нечто исконно царское. Некий имперский налет предавала и единая форма. Фуражка, форменный синий френч, громадный, коричневого кожи портфель, мешочки с сургучной печатью от фельдьегерской почты. Для Корнея, этот солидный седовласый дядечка, в силу своего вида и возраста, ассоциировался с неким курьером тайной канцелярии Петровских времен.

Напоминанием тех цензорских времен редакционной жизни осталась номерная книжка для служебного пользования. Простая светлая картонная обложка с номером, №036 в верхнем углу. Корнею было жутко интересно, что за секреты приносил цензор в редакцию. Какого же

было его удивление, когда тайная просьба не вызвала у замредактора ни тени смущения. Виктор Николаевич спокойно достал из стола секретную номерную книжицу с немецкими названиями всех населенных пунктов области, вплоть до разрушенных хуторов. К радости краеведов, газета «За доблестный труд» с подачи ответственного секретаря, любителя истории А. Наконечного, одна из первых начала публикации выдержек из этой секретной книжице, касающихся всех поселков Гусевского района. В последствии, по просьбе читателей из Нестерова, Озерска, Добровольска, к ним прибавились публикации с информацией о населенных пунктах соседних районов.

4.ВНУТРИРЕДАКЦИОННАЯ ЖИЗНЬ

Коллектив редакции газеты «За доблестный труд» был очень крепким. Здесь спорили по делу, ссорились, даже ругались, но все это действительно было ради пользы того самого общего дела. Все вместе они праздновали дни рождения, помогали если надо в быту, с переездом, ремонтом и т. д. Для Пчелкина это было весьма актуально. После службы в армии Корней вернулся в родной коллектив и получил квартиру. Для молодой семьи, это очень хлопотное дело. Замредактор В. Попов познакомил Корнея со знающими людьми по части приварить, переставить. Таким спецом был сварщик Демьяныч. Бухгалтер Нина Киселева подсказала и помогла со справками, прочими бумагами для покупки мебели, холодильника, шифоньера и детской кроватки в рассрочку. Никаких грабительских кредитов тогда не было. Так же все вместе помогали с переездом с городской окраины в пятиэтажку с удобствами заведующему сельхозотделом редакции Василию Полтавцу. Но самым запоминающимся моментом внутриредакционной взаимовыручки стала просьба фотокора Денисыча.

До работы в редакции В.Д.Ясиновой ходил боцманом на судах дальнего плавания. Побывал не в одной стране мира. У Владимира Денисовича была масса фотографий из Африки, Скандинавских стран, о визите Хрущева на Кубу. Но на якорь в гусевскую гавань его поставила большая любовь. По тем меркам у его жены было совсем небольшое хозяйство в Фурмановке. Накануне ноябрьских праздников Денисыч попросил коллег помочь забить кабанчика. Однако, как выяснилось на месте, покоритель морских просторов совершенно не переносит вида крови. После недолгого выездного совещания импровизированной мини редколлегии, процедуру поручили возглавить завсельхозотделом редакции Василию Полтавцу. Как потом оказалось, теоретически наиболее компетентному по данному вопросу.

После короткого инструктажа для корреспондента комсомольской жизни Пчелкина дело было сделано. Кабанчик затих после первого удара. Обрадованный такому исходу фотокор тут же пригласил нас в дом снять стресс. Жена Денисыча нажарила картошечки, соленые огурчики тоже были кстати. Но не начавшееся застолье прервало легкое похрюкивание и мерное почавкание у корыта во дворе.

Домой Пчелкин с Василием Ивановичем возвращались изрядно перепачканные в грязи пока ловили кабанчика по всему огороду, благо урожай был уже собран. В. Полтавец предложил написать по этому поводу юмореску. В редакции Пчелкин потом не один раз в красках и веселых подробностях рассказывал про этот случай, но написать так никто и не решился. А юморески, с легкой подачи Васи Полтавца, в редакции прижились. Носили они больше ироничный, сатирический характер. Так сказать, откликались на злобу дня. Этим и прославился позже Пчелкин в редакции газеты «Коммунист» в соседнем районе.

Взаимопомощь, взаимозаменяемость была обычной практикой в газете «За доблестный труд». Уезжал сотрудник в командировку, уходил в отпуск его тут же подменял кто-то из редакции. Больше всего Пчелкину нравилось работать на местном радио. Регулярными радио выпусками газеты руководил Николай Курилович. Его журчащий, раскатистый бархатный голос знал весь город. На период отпуска его всегда подменял Василий Полтавец. На Полтавщине он работал еще и на радио, был завлитом в Лохвицкой районной газете «Заря», даже ставил пьесы в местном областном драматическом театре. Под его чутким руководством Корней быстро освоил премудрости работы на радио.

Однажды, даже сам заранее подготовил и дома сам записал весь выпуск. В радиостудии, которая тогда находилась в чердачном помещении главного здания почты, нужно было дописать только концовку со срочными объявлениями, прогноз погоды и поставить песню по заявкам. С песней Корней с Васей провозились почти до самого выхода в эфир. Времени звонить на метеостанцию не было. Да и в этот солнечный, жаркий, летний день сделать прогноз в обед

на сегодня даже у Пчелкина не вызывало никаких сомнений. Взглянув из окна на градусник и безоблачное небо над сельхозтехникумом Корней весело объявил:

– Сегодня ожидается солнечная погода, без осадков, температура воздуха 20—22 градуса в тени!

Прокрутив песню по заявкам, Пчелкин закрыл радиоузел и вышел через вход из внутреннего двора Главпочтамта. Только он повернул к стадиону техникума, как увидел черную тучу нависавшую над городом со стороны Калининграда. Корней еле успел добежать до редакции, как у здания администрации на ступеньках его уже накрыл ливень, сверкнула молния, грянул гром, дождь полил стеной, как из дырявого ведра.

5. ПОСТОЯННО ВПЕРЕДИ

Как и во всяком трудовом коллективе в редакции была партийная и профсоюзная организации. После вступления кандидатами в КПСС Корнея Пчелкина и Васю Полтавца тут же загрузили по общественной линии. Для начала друзьям поручили вывести профсоюзную организацию редакции на должную высоту. Справедливости ради стоит заметить, что год работы в редакции Корней и не предполагал, что их крошечном коллективе есть профком.

В редакции газеты «За доблестный труд» никогда не стеснялись экспериментировать. В этом отношении газете везло на редакторов. Сейчас это покажется смешным, но в конце семидесятых техническим риском для тогдашней печати был даже безобидный Олимпийский Мишка с полноцветным поясом в цветах олимпийского флага. При той допотопной технике была большая вероятность получить вместо мишки просто пятно во всех цветах радуги, т.к. каждый цвет печатался отдельно на всем тираже готовой газеты.

С переходом на офсетную печать много экспериментировал с версткой А. Наконечный. Его неизменный заголовок-клише дожил таки до компьютерной верстки девяностых годов. С его подачи в газете стали печатать подробную программу польского телевидения, что произвело необычайный фурор. За газетой приезжали из приграничных районов, Нестерова, Озерска.

В перестроечные времена газета не побоялась предоставлять целые развороты под дискуссии, проходившие в 80-е годы в трудовых коллективах. Такого количества писем в редакцию, столько профессиональных внештатных авторов, как в газете «За доблестный труд», в то время Пчелкину не приходилось видеть нигде. Читатели верили газете, писали на самые разные темы: спорт, культура, общественная жизнь, городские проблемы. Буквально обо всем читатели могли написать в родную газету.

Одним из таких авторов в середине 80-х годов была работник библиотеки Татьяна Ежова. Ничего удивительного, что после ухода на пенсию В. Ахмед-Бородкиной тогдашний редактор В. Попов, без раздумий принял Татьяну Тимофеевну в штат.

Редакция газеты «За доблестный труд» была одна из первых районных газет освоившая компьютерную верстку. У её истоков стояли Дмитрий Белугин, Миша Земляничкин. Тогда, единый компьютерный центр с дорогостоящей техникой, лазерными принтерами, лицензионными программами по верстке и печати всех районных газет юго-востока области, коллеги журналисты планировали создавать в Черняховске.

В девяностых даже бумагу на печать газеты приходилось рыскать по всей области. А тут сообще – целый компьютерный центр с перспективой на собственную типографию, с единым рекламным пространством, едиными сменными полосами. Просто мечта любого газетчика. Такой перестройки новая областная власть не ожидала. Выход из опасного революционного толкования Ельцинского закона о свободе печати чиновники нашли на редкость прогрессивный. Из областного бюджета тут же выделили деньги и в первую очередь закупили компьютеры всем трем районам в Гусеве, Нестерове, Озерске. Необходимость объединения, создания собственной печатной базы тут же отпала. В последствии, с развитием интернета закрылась и типография. Выжили в век интернета и существуют лишь те, кто своевременно освоил новые компьютерные и политехнологии мирного сосуществования с властью. Это было не по душе правдолюбцу Пчелкину.

Корней еще какое-то время сотрудничал с районными газетами как внештатник. Писал статьи, составлял кроссворды. Потом Пчелкин увлекся печатью буклетов, одноразовых рекламных корпоративных журнальчиков для солидных фирм. Было время Корней Пчелкин даже был безработным. Да-да, самым настоящим и получал пособие.

Безработный Корней

Работать не любят многие. И вот что странно. Как только люди становятся безработными, они тут же начинают сокрушаться по поводу отсутствия той самой ненавистной работы. В этом смысле, Корнею Пчелкину повезло больше. Он всю жизнь ходил на работу с удовольствием. А когда, этого самого удовольствия не было. Ну или хотя бы мало-мальски микроскопического желания идти на работу, он просто на неё не ходил.

Есть все же прелесть в том, что свою работу ты же сам себе и придумал. А чтобы прогулы не мешали работе, Корнею пришлось набрать пару-тройку работников. В какое-то время их количество достигло 16 человек, но это никак не связано с увеличением количества прогулов. Просто, Пчелкин был молод, талантлив, наивен... Кроме того, искренне верил, что окружив себя такими же безбашенными единоверцами они, как в той песне, смогут не прогибаться под изменчивый мир. Это помешательство продолжалось не один десяток лет. Ну может всего четверть века. Ошибки с подбором единоверцев, а так же никак не желавший изменяться тот самый «изменчивый» мир, да и просто падающий доллар привели к банкротству.

И вот, неугомонный правдолюбец, тот самый Корней Пчелкин – безработный. Как тут было не воспользоваться новоявленным статусом. По многолетней привычке Пчелкин пытался любую ситуацию обернуть в пользу. Тому способствовали слова одного циничного чинуши, сказанные еще в девяностые на ежегодном Балу Прессы. Этаким статусном мероприятии местной политической элиты.

– Если бы мы тебя не травили. Если бы мы палки тебе в колеса не ставили, то о тебе Пчелкин, никто бы никогда и ничего не узнал...

Так было в девяностые, так было и в двухтысячные. Однажды, после полученного Соросинового гранта в пятнадцать тонн зеленых, местные налоговики окрестили его «американским шпионом». И Пчелкин не преминул тут же воспользоваться этим новоявленным статусом. Тогда, за разгромную статью в газете под названием «Когда я был американским шпионом!?» Корней получил какую-то грамоту, или даже престижный диплом.

Лишившись работы сейчас, Корней Пчелкин ни минуты не раздумывал, что ему нужно непременно взяться за работу. В смысле за перо, т. е. авторучку. Название статьи, да что там статьи – настоящего романа сразу же закружилось у Корнея в голове. Но почему-то, никак не хотело ложиться на бумажный лист, в смысле на твердую обложку будущей книги. Да и кому захочется читать роман под названием «Когда я был безработным?!». Для этого не достаточно потерять работу. Таких у нас в стране по городам и весям не один миллион наберется. Настоящим безработным можно стать только на бирже. И Корней Пчелкин направился в службу занятости, за заветной бумагой по безработице, возможно с печатью.

О сколько нам открытий чудных, готовит простой поход в службу занятости. Пчелкин и представить себе не мог, что из роскошнейшего особняка для биржи труда, выделенного еще в прошлом веке, служба занятости давно уже переехала. Переехала всего в три комнаты на первом этаже. В бывшую общагу одного из заводов, закрытого по причине банкротства. Ну а что, очень удобно. Ходи по общаге и переписывай подряд безработных. Хотя нет, вежливый ителлигент-айтишник в окошке пояснил Пчелкину, сколько справок на самом деле нужно собрать, чтобы стать настоящим безработным. Помнится, жена Корнея после ухода на пенсию меньше собирала бумаг и всевозможных справок. А тут еще анкета на двух страницах, памятка тоже на двух и куча заявлений с просьбой о предоставлении всяческих безработных услуг. И это, не считая справок с последнего места уже несуществующей работы Корнея Пчелкина.

Между тем у соседнего окошка дамочка-инспектор распекала какого-то бедолагу, пожаловавшего вдруг стать безработным. Она никак не хотела понимать, почему это он нигде не работал более трех лет и тут на тебе, опомнился. Тот в свою очередь давил на жалость, мол столько

лет ничего не желал от биржи и нашего любимого государства, а тут на тебе такой облом, блин... Ну, в смысле, неожиданное сопротивление. Под таким бюрократическим натиском мечты Корнея Пчелкина о Букере с Пулицером таяли на глазах. Благо айтишник в окошке сверкнул окулярами еще раз и так же безупречно вежливо произнес:

– Извините, компьютеры зависли... Тут еще начальство заставляет срочно заполнить дежурную справку на сотню безработных. Приходите завтра с утра, лучше пораньше, да и интернета все-равно уже нет...

Пчелкин попытался приободрить себя дурацким вопросом, мол когда он придет, этот ваш Интер-Нет. Но айтишник, привыкший к идиотским выходкам чудаковатых безработных, все так же невозмутимо протянул Корнею стопку заготовленных анкет, заявлений для заполнения и так заговорщически улыбаясь изрек:

– Надеюсь, Корней Саввович, ха-ха... Вы не акционер газпрома? Ха-ха-ха... Дома все хорошенечко заполните и приносите. И только после этого я внесу вас в базу данных на получение пособия.

От сказанного у Корнея Пчелкина перехватило дыхание. На лбу выступил холодный пот, но Корней все-же промолчал. В глубине души ему чертовски стало обидно. Из-за каких-то акций Газпрома... Из-за акций, купленных еще на чубайсовский ваучер... Из-за каких-то бумажек проклятушного «рыжего»... Короче, все его мечты могут и не сбыться. Да что там сбыться, попросту могут рухнуть в бездонную пропасть несбывшихся надежд.

В тот момент Пчелкин ненавидел ценные бумаги как никогда. Даже, когда акции голубых фишек рухнули с трехсот рублевых высот до сотни, а у Корнея случился гипертонический криз. Тогда он и не думал их ненавидеть. Ему попросту было не до этого. Пчелкин угодил в райцентр, в элитную кардиологию, оборудованную по последнему слову техники в рамках какой-то медицинской программы.

Радовалась всевозможным безработным требованиям от службы занятости только жена Корнея. Кроме акций, Пчелкин на всякий случай, переписал на свою жену все что у него было. Все что было нажито непосильным трудом: акции, квартиру у моря и автомобиль. Мало ли что, вдруг кроме ликвидных акционеров на учет не ставят и владельцев престижных представительских авто.

На формальности у Корнея ушло еще пару недель. Пару недель и кругленькая сумма знакомому юристу, за срочность. И вот, заветная бумага у Пчелкина в руках. Точнее сказать, это всего лишь маленький вкладыш для служебных отметок инспектора службы занятости. Листочек был похож на обыкновенный табель. Последний раз, такой табель выдавали Корнею еще в начальных классах. Только теперь, вместо оценок за четверть туда проставляли дни отметок на бирже. Пришел – получи, не пришел – до свидания, двоечник-прогульщик.

Такой безработы Корней еще не видел. Час напряга в очереди с такими же лишенцами и две тысячи в кармане. За месяц Пчелкину нужно было явиться всего дважды. Всего два прихода и почти пять штук, как с куста. Так дорого час работы Пчелкина еще не стоил. Что еще нужно для реабилитации начинающего сердечника. Утренняя зарядка, послеобеденная прогулка в лес по тропе здоровья. По четвергам шахматы в Доме офицеров с друзьями, по вторникам – настольный теннис. В выходные – дефиле по торговой ярмарке. Не тропа здоровья, конечно же, но тоже прогулка, а также масса новостей и советов от друзей.

По совету одного из них Пчелкин решил даже записаться в волонтеры. Нет, не в те, что готовы задарма в любой омут. Исключительно тяга к футболу подвигла Корнея Пчелкина на этот шаг. Не сказать, что Корней был уж такой заядлый болельщик. Просто ему надоело смотреть на наших безутешных фанатов, не менее обреченно смотрящих в экраны телевизоров и без всякой надежды ждавших невозможного. Даже не победы, просто выхода из группы.

По настоящему требованию инспекторов Пчелкин зарегистрировался на сайте и сутками слал резюме. Для Корнея это было даже покруче чем «тэнкс оф ворлд» онлайн. После

недели безнадежных ожиданий Пчелкин вдруг начал без разбора откликаться на все свежие вакансии появляющиеся на сайте.

Работодатели даже обалдевали, когда спустя всего минуту раздавался звонок от Корнея на их новоиспеченную вакансию. И они тут уже с нетерпением мечтали пригласить Пчелкина на собеседование, чтобы посмотреть на такого шустрика. Справедливости ради, стоит заметить, что чаще всего это была единственная причина для встречи с ним.

Спустя месяц, Корней Пчелкин понемногу успокоился. Он начал слать виртуальные резюме вполне осознанно, как бы воплощая свои юношеские несбывшиеся мечты. Едва отпустив клавишу «энтер», или кликнув мышкой на адрес работодателя, Пчелкин тут же представлял себя бортпроводником международного лайнера, или фотографом на океаническом круизном корабле, на худой конец аудитором в международной компании. Обалдевшие от обстоятельных резюме предпенсионного кандидата, кадровики Аэрофлота, круизных турфирм с невозмутимым спокойствием слали до безобразия вежливые ответы. Как будто, спуская Пчелкина с небес на грешную землю, или возвращая океанический лайнер Корнея в порт приписки:

«Большое спасибо за Ваш интерес, проявленный к нашей открытой вакансии. К сожалению, в настоящий момент мы не готовы сделать Вам это предложение. Мы внимательно ознакомились с Вашим резюме и, возможно, вернемся к Вашей кандидатуре, когда у нас возникнет такая потребность.»

Может быть так оно все и продолжалось с виртуальными ночными трудоустройствами Корнея Пчелкина, если бы не звонок из службы занятости. Пчелкину, наконец-то, предложили переучиться на кочегара. Несмотря на торжественность момента, голос прозвучал буднично. Корнею даже показалось, что голос был издевательски вежливым и равнодушным. Хотя сейчас, накануне отопительного сезона, после дождливого лета и не менее промозглой осени, это должно было звучать гордо – оператор газовой котельной установки.

В свое время, когда Пчелкин просил инспектора службы занятости информировать его при случае о любом освободившемся и мало мальски подходящем тепленьком местечке, он никак и не думал, что все будет так буквально. Что ж, как говаривал классик, учиться никогда не поздно. Да и место, действительно, тепленькое. В начале отопительного сезона запустил установку, с окончанием – выключи. И все это время следи за стрелочками приборов, да и пиши свой роман. Самое главное, целое лето отпуск, а это будет даже покруче чем у учителей. Только работа не такая нервная, просто мечта, решил для себя Корней.

Что касается романа, то терпения у Корнея Пчелкина не хватило. Нет, не в смысле писать гениальный труд, а обивать пороги издательств и редакций. К тому же, один вредный издатель попросил вместо романа написать всего лишь серию рассказов. Мол, это не их формат, а вот короткие рассказы, это как раз то что сегодня нужно современному продвинутому читателю. Да и литературные журналы охотнее берут к публикации короткие рассказы, а не бесконечные сентиментальные романы про девичьи слезы. Или того хуже, про шумящий лес. Корней каждый раз одобрительно кивал, но писать рассказы так и не надумал. А для себя он твердо решил: хоть всю зиму не будет выходить из кочегарки но роман все же напишет.

Кардиологический роман

I

Корней Пчелкин никогда не думал становиться писателем. Нет-нет, всю свою сознательную жизнь он, конечно, пописывал понемногу. В свое время, даже сотрудничал не только с газетой «Коммунист», но и с множеством заводских многотиражек. Потом набил руку на кроссвордах и был желанным гостем практически во всех редакциях районных газет области. Но расцвет его газетного ремесла пришелся на перестройку.

Не будучи обученным большим премудростям журналистских жанров, Корней стремился писать только правду. Вымысел ему был просто чужд. Если, конечно, не считать панегириков к дню учителя, медработника и прочим профессиональным праздникам. Для другого ему просто не хватало полета фантазии. За тягу к правде и полное отсутствие этой самой фантазии Пчелкина не любила власть и особенно некоторые чиновники местной администрации. Да и кому из местных князьков в красном доме охота было еще и читать в газетах то, что на самом деле и так все знают. То, о чем одни привычно помалкивают, а другие судачат по всему городу, на каждом перекрестке. Поэтому расцвет газетного ремесла Корнея Пчелкина, как раз и пришелся на перестройку. Все о чем так смачно судачили по подворотням можно было выплеснуть на газетные полосы. Это ни звездный час и даже ни месяц, а целые годы пахоты на районной ниве всеобщего молчаливого всезнания.

Острое, правдивое перо Корнея пришлось тогда не по одному чинуше, и не по одной голове администрации. Даже областная газета однажды напечатала его фельетон. После чего главу района отдали под суд, что в те времена бывало крайне редко. Украденных миллионов так и не нашли, а отстранение от должности на три года, условный срок и штраф в несколько десятков тысяч деревянных рублей было гораздо привычнее.

Корней Пчелкин хотя и очень загордился, но все же становиться писателем он и тогда не мечтал. Да и зачем?! На перестроечные гонорары он купил подержанный Мэрс, выучил сына в Америке. Тот, правда, вскоре вернулся назад. Не поддался на посулы гнивающего капитализма. Люди по этому поводу сочувствовали Корнею, но в глаза не говорили. Да и представьте себе, что сын ветерана перестройки, этакого районного инвалида гласности вдруг не остался в этом американском рассаднике правды и демократии. Это похуже чем, в своё время, дочь третьего секретаря местного горкома партии по идеологии, оставшаяся в Финляндии во время профсоюзной турпоездки. Видать не по вкусу пришлась отпрыску хваленая свобода на папашинной лопате.

Писателем Корней захотел стать в больнице, только не подумайте ничего плохого. Вообще-то, правда жизни всегда помогала ему жить и всячески отгоняла болезни. Посему, Корней Пчелкин был человеком не болезненным. И уж тем более не из тех, что донимали врачей бессмысленными обращениями. Типа, доктор, у меня голова какая-то не такая, а давайте-ка её просветим. Нет, ну конечно же, в больницах он бывал много раз и еще больше писал о знаменитых медиках. Один раз даже попытался сдать кровь для заболевшего коллеги. Правда, когда выяснилось, что кровь у Корнея не той группы, то сдавать он тут же наотрез отказался. От одного вида медицинской иглы ему становилось не по себе. И вот, представьте себе, на шестом десятке Пчелкин угодил в кардиологию. Хотя, злые языки всегда судачили, что у таких правдолюбцев и вовсе не бывает сердца, но у Корнея Пчелкина оно было.

К своему стыду, Корней оказался абсолютно не подготовленным к больничной жизни. Абсолютный кардиологический ноль. За долгую трудовую жизнь Пчелкин еще студентом успел поработать даже на стройке. Строил мехмастерские, хозпостройки для модных финских котеджей, ремонтировал коровники. Даже монтировал ленточный транспортер в каком-то передовом хозяйстве. Одно время даже учительствовал в сельской школе. Преподавал языки, исто-

рию, ОБЖ. Но вдруг, все это оказалось абсолютно не нужным. Пчелкин лежал в коридоре на больничной койке абсолютно потерянный. Несмотря на весь трудовой опыт и десятки лет жизни ветеран перестройки оказался на деле беспомощным солдатом-первогодкой. Эдакий кардиологический новобранец осеннего призыва. Время от времени он проваливался в сон, а просыпался и не мог понять, где он.

Единственное ободряло и радовало Корнея Пчелкина, так это доставшаяся ему койка в коридоре. Хотя и в кровати, но все же среди людей, так сказать в гуще событий, на острие. Короче, Корней почувствовал вдруг себя в своей тарелке. Во сне ему порой казалось, что он едет в отпуск в купейном или даже мягком вагоне. Когда приходил в себя, открывал глаза, то правда жизни подсказывала: у него всего лишь боковушка в плацкартном вагоне. Но все-равно же о-о-от-пуск! И от капельниц Корней вновь проваливался в сон. Только проводница запаздывала с чаем и почему-то не выгоняла из вагона шумных провожающих, которые постоянно шуршали пакетами. Ну, в смысле, посетителей и родственников с передачками.

Этих «провожающих» Корней Пчелкин почему-то невзлюбил сразу. Особенно их мобильники, которые наперебой глушили друг друга щегольскими мелодиями. Но от ненависти до любви, действительно, один шаг. Только с провожающими Корней почувствовал себя профи в кардиологическом отделении.

Благодаря своему естественному положению, а лежал он в холле, у входа в отделение, Корней Пчелкин быстро вывел себя на ведущую позицию. Прямо над его кроватью висели многочисленные инструкции для больных, врачей, посетителей и т. д. Тут даже предусмотрено была размещена информация о работе больничной церкви. С информации о ней Пчелкин и начал восхождение к вершинам кардиологической больничной жизни. Через провожающих он быстро наладил бесперебойные поставки святой воды в отделение. Дело пошло настолько хорошо, что у Корнея вскоре образовались даже излишки.

После изучения расписания больничного храма, распорядка служб и чтения Акафиста Святому Луки Крымскому Пчелкин перешел к познавательным плакатам – «Старость и психологическое здоровье», слабо ободряющему – «Нужно знать, чтобы жить», про туберкулез, флюорографию. Но ни один из этих шедевров больничного глянца не заинтересовал Корнея так, как невыразительная инструкция формата А4, в мятном файлике, тиснутая на мажущем принтере зав. отделения. Инструкция была о гриппе. Такого чувства гордости от полученных знаний Пчелкин не испытывал давно. Ну разве только однажды, после курсов при облизбир-коме на знание законодательства о выборах.

Вот он его звездный час. Да что там час, целая звездная неделя, а может и две. В выходные дни провожающие нескончаемым потоком устремлялись к кардиологическим телам. Выпучив глаза от тяжелых сеток и пакетов, они всячески не давали спокойно поболеть своим больным. Наиболее сердобольные тащили с собой целые семьи от детей, невесток и кончая внуками. Последние с недоумением таращились на капельницы, броневики-каталки, всевозможные конструкции уток и посудин для опорожнения непосредственно у кровати. Для совсем бездыханных нянечки из реанимации приспособили даже презервативы. Видали бы вы эти недоуменные лица провожающих, когда с перечнем всего необходимого они узнавали, что их любимому деду помимо памперсов, одноразовых салфеток в реанимации нужны еще и презервативы. Фишкой отделения были привязанные к кроватям небритые бормочущие старики. В эти моменты, даже самые отъявленные двоечники готовы были пообещать учиться на пятерки и слушать учителя лишь бы не идти дальше по коридору. Иногда даже казалось, что не справляющиеся с повседневным воспитанием внуков, бабульки специально брали в кардиологию переданных им на перековку внуков.

Провожающие, просунув голову в холл и в растерянности от увиденного едва успевали открыть рот, как с кровати раздавался строгий окрик Корнея Пчелкина. Он, как дневальный на тумбочке, не то приветствовал, не то вгонял провожающих в оторопь:

– Ба-а-хи-лы?!!

Провожающие тут же осознавали ужас своего положения. Оказавшись на последнем этаже больницы без бахил, они в панике начинали внутренне протестовать против мысли о том, что это конец. Нянечки останутся без пакетов с благодарностью, а больной соответственно без сока, булок, фруктов и должного ухода. А это уже «настоящий фашизм». Да как только они представить себе такое смогли, буд-то министр здравоохранения вовсе и не думает о больных.

Вот от этой самой обиды за минздрав и за державу Корней Пчелкин и стал наводить порядок в кардиологии не хуже старшины в роте. Как заправский прапор он отправлял посыльного из родственников за бахилами к аппарату на первом этаже. Однако, даже после поголовного обоихивания всех родственников, Пчелкин пропускал только одного из делегации. Предвидя немой вопрос провожающих: «А чего же мы брали бахилы на всех!?!». Корней тоном не требующим возражения строго нараспев пояснял:

– Ка-ран-тин!!, – на радость внукам и прочей пугливой детворы.

Когда в аппарате заканчивались бахилы, Пчелкин переключался на маски. Потом закончились и они, а вместе с ними и карантин. И Корней Пчелкин опять остался не у дел. Какое-то время он подрабывал руководить очередью провожающих в кабинет зав. отделения и к дежурному врачу. Это занятие показалось ему скучным и он долго сидел на редкость задумчивый, грустный и даже потерянный.

Вот тогда-то и пришла ему мысль написать роман. Выехавшие из реанимации ноги, заматанные до головы белым саваном больничной простыни с печатями минздрава, окончательно укрепили его в этом намерении. Он точно знал, должно получиться. Да, должно и непременно нечто философское. Нечто простое и вместе с тем захватывающее. Что-то креативненькое, а вместе с тем и о бренности бытия, и в тоже время о медиках или может об их собратях по бюджету учителей... Тогда он еще точно не решил.

Целыми днями Корней Пчелкин просиживал за своей тумбочкой, или просто с тетрадкой на коленях, непрерывно строчил карандашом. Оправившиеся от инсульта принимали его за вождя в разливе и не беспокоили с расспросами. Говорят, наброски своего романа Пчелкин читал в тихий час больным в палате, когда его туда перевели из коридора. Роман не роман, но какой-то рассказик Корнея Пчелкина люди все же потом читали. Его еще одна районная газета все лето печатала с продолжением, когда журналисты прохлаждались в отпусках.

II

Кардиологи – аристократы медицины. Кардиологическое отделение – элита больничного мира. У них каталки для лежащих, кресло-каталки на все случаи жизни, даже с дырками для интимных надобностей. Сюда так просто не попадешь, но вот Почтальон попал. На самом деле он был военным штабистом. Во всяком случае так отрекомендовался мужикам в палате. Те ему не поверили и приняли за кагэбиста.

– Не-е-э, – многозначительно изрек Корней Пчелкин. – Никакой он не кагэбист. Нутро у него хлипковато для железного Феликса, да и болтает много... Выше партработника районного звена и не тянет. – Вот так умно брякнул Корней, где-то вычитанный текст. – Одно слово, Почтальон.

Вообще, Пчелкин с детства был мастер давать прозвища. Некоторые из них прилипали так, что казалось никто уж и не помнил их фамилию. Пацаны сживались со своей кликухой так, что и не представляли себя без хлесткого прозвища. Кто бы мог подумать, что во дворе у долговязого Матроса когда-то была фамилия Комаров. Так бы и быть ему до скончания века никчемным Комаром, если бы не Пчелкин.

Комар тогда только пришел в класс и держался особняком. Но Корней знал, что они живут в одном дворе, но виду не подавал, присматривался. Потом они познакомились и Пчелкин стал заходить к Комару поиграть в «очко». Не то, чтобы он очень любил карты, но ему иногда везло. Точнее сказать, после мелких проигрышей судьба вдруг неожиданно поворачивалась к Корнею и он срывал куш.

В классе Комар все еще сидел один, на первой парте в крайнем ряду и отдувался за всех и при устных опросах, и на письменных контрольных. И вот однажды, получая очередную двойку Комар заплакал. До этого из-за оценок никто в классе из пацанов не плакал. Да и Комар плакал не за оценку, а от обиды, что как новенький всегда первым принимает за всех удар на себя. Тут Пчелкин, как мастер реплик с места, юморно разрядил неловкость момента.

– Ну вот, Матрос и дал течь!.. – Все захохотали. Больше всех заливался Шкот, заражая своим смехом остальных. У него вообще был очень заразительный смех, ну просто не остановиться. Смеялся и Матрос, тыча пальцем на умирающего от смеха Шкота, а девочки утирали слезы от забористого смеха пацанов.

– А почему Матрос, – едва оправившись от смеха спросил Шкот.

– Да он говорил как-то мне, что хочет стать капитаном дальнего плавания... – и не дав договорить Корнею, Шкот вновь залился еще большим смехом, вовлекая в эту всеобщую пучину неконтролируемого ржания весь класс и даже строгого учителя.

– Ка-ка-капитан, га-га-га... Ма-а-трос, га-га-га... Да-а-льного пла-ва-а-ния-а-а... Вот умора-а-а, – продолжал гагатаť громче всех Шкот, а вместе с ним и весь класс.

Вот и в отделении кардиологии кличка к Почтальону прилипла сразу. Одни думали, что это из-та того, что он целый день строчил какие-то письма, делал бесконечные расчеты, записи и т. д. Другие, за то что он постоянно посылал мужиков-курильщиков в магазин то за пакетом для бумаг, то за тетрадкой. Причем эти походы стали своего рода бизнесом. На выделенную Почтальоном сотню мужики покупали сигарет, а на сдачу пакет и очередную тетрадку.

Когда дешевые сигареты кончались, то сотни на тетрадку не хватало и Почтальону приходилось ждать пару дней. Занимались мужики этим скорее со скуки, дабы развлечься. Почтальон платил им тем же. От лекарств, а может от больничной еды у него периодически случались запоры. В эти ночи не спало почти половина отделения. Медсестры пичкали его слабительным, от чего Почтальона раздувало еще больше.

В один прекрасный день в палату к Почтальону подсадили глуховатого Хозяйственника. Их непрерывные дискуссии начинались под вечер и не заканчивались порой даже за-полночь. Корнею Пчелкину нравилось засыпать под их непрерывное бормотание. Он и дома спал под телевизор, но Почтальон переплюнул всяких Гордонов с Соловьевыми вместе взятых. Темы у него менялись сиюминутно, сразу как только он уличал собеседника в «некомпетентности по данному вопросу». Глуховатый Хозяйственник поначалу не успевал реагировать, а потом и вовсе перестал переспрашивать. Гнул своё, чем раздражал Почтальона и тот замолкал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.